

А.Н. Афанасьев

**Поэтические воззрения
славян на природу**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А.Н. Афанасьев
А11 Поэтические воззрения славян на природу: Том 2 / А.Н. Афанасьев – М.: Книга по Требованию, 2012. – 785 с.

ISBN 978-5-458-33882-0

Итогом многолетнего исследовательского опыта историка и фольклориста Афанасьева А. Н. (1826-1871) явились "Поэтические воззрения славян на природу" - фундаментальный труд, посвященный историко-филологическому анализу языка и фольклора славян и связи с языком и фольклором других индоевропейских народов. Его труд до сих пор не превзойден в мировой науке о фольклоре.

ISBN 978-5-458-33882-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

же хранятся и священные знамена. По мѣтнію г. Срезневскаго тотъ-же самый храмъ, только позднѣе и можетъ быть — перестроенный, описываютъ Адамъ Бременскій и Гельмольдъ. У перваго читаемъ: «знаменитый городъ редарей, Ретра—столица идолопоклонства; въ немъ воздвигнуть большой храмъ богамъ, изъ которыхъ главный Redigast. Въ городѣ девять воротъ и окруженъ онъ со всѣхъ сторонъ глубокимъ озеромъ; входятъ въ него по деревянному мосту, но это позволяется только тѣмъ, которые желаютъ принести жертву или получить отвѣтъ» ¹⁾. Слово Редиго(а)сть, приводимое Дитмаромъ, какъ названіе города, г. Срезневскій считаетъ за прилагательное Редиго(а)щъ ²⁾; онъ принимаетъ этотъ Редигостовъ городъ за Ретру, а Редиго(а)ста и Сварожича — за два имени одного божества. Въ глоссахъ Вацерада Radihost приравливается Меркурію (=Гермесу), въ которомъ чтился молніеносный богъ. Согласно съ этимъ значеніемъ, и Сварожичъ и Редигость представляются распорядителями войнъ; хроники и тому, и другому даютъ священнаго коня, по поступу котораго славяне гадали объ исходѣ своихъ общественныхъ предпріятій ³⁾. Имя Ради-гость до сихъ поръ остается необъясненнымъ; оно, очевидно, — сложное и первую половиною своею стоитъ въ средствѣ съ названіемъ рад-уница (рад-оница, рад-овница) — праздникъ обновляющейся весною природы ⁴⁾, издревле получившій значеніе времени, посвященнаго чествованію усопшихъ; ибо съ воскресеніемъ природы отъ зимней

¹⁾ Ч. О. И. и. Д., годъ 2, III, ст. Срезнев., 45—46; Макуш., 83.—²⁾ Сравни: Быдгощъ отъ Быдгость, вѣщъ (вѣшій) отъ вѣсть и др. — ³⁾ Ж. М. Н. П. 1846, VII, 55—57; Рус. Бес. 1856, I, 20—22. Ходаковский (Р. И. Сб., III, 161) указываетъ урочище Радгости (новг. губ.) и пустошь Редбужу; въ Моравіи есть гора Radgost (Радгошть)—Рус. Бес. 1857, IV, 75; Рус. просл. праздн., I, 134; Nar. zriewanku, I, 397.— ⁴⁾ Радуница бываетъ или на Красную Горку или въ слѣдующіе дни Фоминой недѣли.

смерти соединялась мысль о пробужденіи умершихъ, объ освобожденіи ихъ изъ мрачныхъ затворовъ ада (см. гл. XXIV). Корень рад означаетъ блестящій, просвѣтленный; сравни лат. *radio* — блистать, сіять, *radius* — лучъ; весна, приводящая свѣтлые дни, называется красною. Слово гость (пол. *gosc*, илл. *goost*, чеш. *host*, готск. *gasts*, англос. и др.-нѣм. *gast*, лат. *hostis* — чужестранецъ, непріятель), по мнѣнію Боппа и Миклошича, происходитъ отъ санскр. *ghas—edere* (*hostia* — жертва); а Пикте указываетъ на корень *ghash — laedere, interficere*. Въ санскритѣ гость — *gôghna*, буквально: тотъ, который убиваетъ быка или корову, или для котораго убивается это животное. Обычай древнихъ пастушескихъ народовъ требовалъ убивать для гостя жирнаго тельца; греч. *ξένος, ξείνος* — гость отъ *κτείνω* — убивать ¹⁾). Отъ понятія о пришельцѣ, посѣтителѣ, слово гость перешло къ обозначенію всякаго чужеродца, иноземца и торговаго человѣка: какъ на Русѣ первостепенныхъ купцовъ называли въ старину гостями, (гостинный дворъ, гостинецъ — большая проѣзжая дорога), такъ въ томъ-же смыслѣ употребляются хорутан. *gost, gostnik* и чеш. *hosták* ²⁾). Радигость слѣдовательно молниеносный богъ, убійца и пожиратель тучъ (небесныхъ коровъ), и вмѣстѣ свѣтозарный гость, являющійся съ возвратомъ весны. Земной огонь, какъ то-же пламя, которое возжигается Перуномъ въ облакахъ, признавался сыномъ Неба, низведеннымъ долу, въ даръ смертнымъ, быстролетною, падающею съ воздушныхъ высотъ молніею, и потому съ нимъ также соединялась идея почетнаго божественнаго гостя, пришельца съ небесъ на землю. Русскіе поселяне доселѣ чествуютъ его именемъ гостя (см. ниже, стр. 10). Вмѣстѣ съ этимъ онъ получилъ характеръ бога-оберегателя всякаго иноплеменника

¹⁾ Пикте, II, 45—46. — ²⁾ Мысли объ истор. рус. яз., 138.

(гостя), явившагося въ чужой домъ и отдавашагося подъ защиту мѣстныхъ пенатовъ (т. е. очага), бога-покровителя прѣхавшихъ изъ дальнихъ странъ купцовъ и вообще торговли (см ниже).

Древніе мифы приписываютъ происхожденіе огня—и изведенію или похищенію его съ неба. По индѣйскому сказанію, одаренный божественными свойствами *Mâtariçvan* добылъ огонь изъ облачной пещеры и ссудилъ его одному изъ старѣйшихъ жреческихъ родовъ *Vhrgu* или первому человѣку *Manu*, почему ученые видятъ въ немъ другаго Прометея; самому Агни дается прозваніе *Mâtariçvan*, и это прямо свидѣтельствуешь за ихъ первоначальное тождество. Греческій Прометей, похитившій съ неба огонь, какъ теперь положительно доказано, есть никто иной, какъ самъ громовникъ, возжигатель грозового пламени и метатель молніеносныхъ стрѣлъ съ высокаго неба на дольную землю ¹⁾. У нѣмцевъ ему соотвѣтствуетъ Локи, котораго уже Я. Гриммъ съ свойственнымъ ему ученымъ ясновидѣніемъ сближалъ съ Прометеемъ и Гефестомъ; подобно Гефесту, онъ былъ низринуть съ неба и также представляется хромоногимъ ²⁾; подобно Прометею, прикованному къ скалѣ (=тучѣ) за похищеніе небеснаго огня, Локи былъ заключенъ въ цѣпи за свое лукавство (см. т. I, стр. 756). Судорожныя движенія окованныхъ Локи и Прометея равно производятъ землетрясеніе (=громъ ³⁾). О распространяющемся пламени пожара нѣмцы выражаются: «es (feuer) los werde, ausbreche, auskomme» — какъ-бы разорвалъ цѣпи ⁴⁾. Древнѣйшій способъ добыванія огня у индѣйцевъ, персовъ, грековъ, германцевъ и литовско-славянскихъ племенъ былъ слѣдующій: брали обрубокъ изъ мягкаго дерева, дѣлали въ

¹⁾ Кунъ, 5—8, 17.— ²⁾ О хромой ногѣ, какъ одномъ изъ существенныхъ признаковъ молніеноснаго бога, см. гл. XXII.— ³⁾ D. Myth., 221, 225.— ⁴⁾ Ibid., 569.

немъ отверстіе, и вставляя туда твердый сукъ, обвитый сухими травами, веревкою или паклею, вращали до тѣхъ поръ, пока не появлялось отъ тренія пламя; вмѣсто деревяннаго обрубка, употреблялась и втулка отъ стараго колеса. Такъ какъ гроза, разбивая мрачныя тучи, выводитъ изъ-за нихъ ясное солнце и какъ-бы возвращаетъ ему свѣтъ; то отсюда естественно возникла мысль, что богъ-громовникъ возжигаетъ свѣтильникъ весенняго солнца, потушенный демонами зимы и мрака ¹⁾. Тотъ-же способъ добыванія огня, къ которому привыкъ человѣкъ въ своемъ быту, видѣлся ему и въ небѣ: въ глубочайшей древности создалось вѣрованіе, что богъ-громовникъ вращаетъ, какъ буравъ, свою молніеносную палицу въ ступицѣ колеса-солнца (I, 207—212) или въ деревѣ-тучѣ, и чрезъ то вызываетъ пламя грозы. Рядомъ съ этимъ, изъ представленія души—горящимъ свѣточемъ (см. гл. XXIV), изъ связи весеннихъ грозъ съ идеею оплодотворенія, и наконецъ изъ того уподобленія, какое проводила фантазія между добываніемъ огня черезъ треніе и актомъ соитія и между дождемъ и плотскимъ сѣменемъ, возникли сказанія, что первый человѣкъ созданъ и низошелъ въ этотъ міръ въ молніи (см. гл. XIX) и что имъ-то принесенъ огонь съ неба на землю. Стремительная, «окрыленная» молнія олицетворялась обыкновенно въ образѣ быстролетныхъ птицъ орла и сокола; тотъ-же образъ придавался и богу Агни; отсюда—мнѣ, что златокрылый соколъ или самъ Агни въ видѣ этой птицы принесъ на землю искру небеснаго пламени ²⁾. Въ одномъ изъ старинныхъ

¹⁾ Объ Ильѣ-громовникѣ одно поученіе на Ильинъ день говоритъ: „нынѣ свѣтозарное солнце небеснаго круга шествія огненныхъ конь свѣтлостію просвѣщается радостію пресвѣтлыя памяти огненоснаго пророка Или“ (Щаповъ, 14. 18). Возжигаемое въ тучахъ, солнце представлялось какъ-бы вновь нарождающимся, и потому летты называютъ его дочерью Перкуна — Germ. Mythen, 142—3 — ²⁾ Die Götterwelt, 53, 61—62.

апокрифовъ находимъ любопытный отголосокъ преданія о происхожденіи огня; на вопросъ: «како огонь зачася?» здѣсь сказано: архангелъ Михаилъ (замѣна воинственнаго громовника архистратигомъ небесныхъ силъ) возжегъ его отъ зеницы божией, т. е. отъ всевидящаго ока-солнца (I, стр. 166), и принесъ на землю; точно также огонь, похищенный Прометеемъ, былъ возженъ имъ отъ солнечной колесницы. Въ Литвѣ въ эпоху язычества истуканъ Перкуна стоялъ подъ дубомъ, а передъ нимъ на жертвенникѣ горѣлъ неугасимый огонь, охраненіе котораго возлагалось на жрецовъ и вейделотокъ ¹⁾.) Густинская лѣтопись говоритъ: «ему же (Перкуну), яко богу, жертву приношаху и огонь неугасающій зъ дубоваго древія непрестанно паляху; аще бы случилось за нерадѣніемъ служащаго іерея когда сему огню угаснути, таковаго іерея безъ всякаго извѣта и милости убиваху» ²⁾). Хотя неугасимый огонь чтился литовцами, какъ особое божество, подъ именемъ Знича [сравни: зной, зіять или знѣять — блестятъ (сіять), зніять—пылать, пахнуть гарью, зноиться—дымиться, зноить—отъ сильнаго жара принимать красный цвѣтъ ³⁾]; но что поклоненіе ему принадлежало къ культу громовника—это очевидно изъ самаго возженія священнаго пламени при истуканѣ Перкуна. Въ Литвѣ до сихъ поръ рассказываютъ, что нѣкогда Перкунъ, вмѣстѣ съ богомъ преисподней, странствовалъ по землѣ и наблюдалъ за людьми: сохраняютъ ли они священный огонь? и при этомъ надѣлялъ богиню жатвъ, т. е. Землю, неуываеюмою юностью (силою плодородія ⁴⁾). У бѣлоруссовъ (минск. губ.) уцѣлѣло такое преданіе: Жыжъ (отъ жець, жгу, малор. жи́жа—огонь ⁵⁾) постоянно расхаживаетъ подъ землею ⁶⁾, испуская изъ себя пламя; если онъ хо-

¹⁾ Черты литов. нар., 9.—²⁾ П. С. Р. Л., II, 257.—³⁾ Обл. Сл., 70—71; Дсп. обл. сл., 68.—⁴⁾ Рус. Сл. 1860, V, 12.—⁵⁾ Старосв. Банд., 324.—⁶⁾ О молніяхъ, таящихся въ тучахъ, мнѣ выражает-

дять тихо, то согрѣваетъ только землю; если же движенія его быстры, то производитъ пожары, истребляющіе лѣса, сѣнокосы и нивы. Поговорка: «жыжъ уна́дзвися» означаетъ: стали частыя засухи или пожары ¹⁾). Римляне чтили неизсякающій огонь богини Весты, охраняемый дѣвами-весталками; если неожиданно онъ погасалъ — это считалось бѣдственнымъ предзнаменованіемъ для всего государства, и такое печальное событіе требовало чрезвычайныхъ жертвоприношеній; чтобы возжечь погасшій огонь, для этого требовалось новое, чистѣйшее пламя, которое добывали чрезъ соединеніе въ одну точку солнечныхъ лучей или чрезъ треніе священнаго дерева, и такимъ образомъ какъ-бы сводили его съ неба. Веста изображалась или подлѣ пылающаго очага, или съ горящимъ свѣтильникомъ въ рукѣ. Въ греческой мѣологіи богинѣ этой соотвѣтствуетъ *Ἑστία*, которая чествовалась, какъ охранительное пламя очага. На Лемносѣ, куда по преданію Зевсъ забросилъ Гефеста и гдѣ потому особенно развился культъ бога-огневластителя, было въ году время, когда на девять дней гасили всѣ старые огни и въ замѣнъ ихъ привозили на кораблѣ новыи съ Аполлонова жертвенника изъ Делоса ²⁾).

Множество доселѣ-живущихъ въ народѣ примѣтъ, повѣрій и обрядовъ свидѣтельствуютъ о старинномъ поклоненіи огню, какъ стихіи божественной и эмблемѣ грозоваго пламени. Зажигая вечеромъ лучину, ночникъ или свѣчу, простолоудины крестятся; если же огонь долго не вздувается, то приговариваютъ: «святой огонѣшекъ! дайся намъ». Будетъ ли внесена въ темную комнату зажженная свѣча, ее встрѣчаютъ съ крестнымъ знаменіемъ, точно также, какъ существуетъ обычай креститься при ударахъ грома и

ся, какъ о небесномъ огнѣ, заключенномъ въ горахъ и подъ землею (см. ниже).— ¹⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 93—94.— ²⁾ D. Myth., 577

блескъ молніи ¹⁾). Чехи, о которыхъ еще Козьма Пражскій замѣтилъ: «*hic ignes colit*», называютъ огонь божьимъ — *boží oheň* ²⁾). Плевать на огонь — величайшее нечестіе: за такое оскорбленіе святыни — на губахъ и языкѣ виновнаго высыпаютъ прыщи, называемые въ областныхъ нарѣчіяхъ огникъ и жыжка; дѣтямъ обыкновенно говорятъ: «не плюй на огонь, а то огникъ выскочитъ!» ³⁾). Не должно кидать въ огонь ничего нечистаго — ни соплей, ни калу; поршѣ на тѣлѣ приписывается дѣйствию огня, наказующаго за подобныя проступки. Польск. *swąd, swędzić* означаютъ: угаръ и зудъ, вонять гарью и зудить ⁴⁾). Если замѣтятъ, что кто-нибудь не у мѣста испражняется, то берутъ изъ печи раскаленные уголья и бросаютъ на пометъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что послѣ этого задъ у виновнаго непременно опоршится ⁵⁾). Горящую лучину или свѣчу должно гасить благоговѣнно: пламя задувать губами, нагаръ снимать пальцами, а уцѣлѣвшій остатокъ бережно класть на мѣсто; погасить же огонь какъ попало, т. е. ударить лучину объ полъ или затоптать ее ногою — считается большимъ грѣхомъ, за который раздраженная стихія оплатитъ пожаромъ въ домѣ нечестивца ⁶⁾). Когда мѣтутъ печь вѣникомъ, и онъ загорится — то не слѣдуетъ зашаптывать пламя ногами, а залить водою ⁷⁾). Кто разводитъ въ печи огонь, тотъ, по литовскому повѣрью, обязанъ совершать это молча и не оглядываясь; не то огонь, кара за нарушеніе должнаго благоговѣнія, выйдетъ изъ печи и зажжетъ

¹⁾ Ворон. Г. В. 1851, 10; Записки Авдвев., 128. Въ архангельской губ. думаютъ, что зажигать свѣчу днемъ, когда и безъ того свѣтло, — грѣхъ. — ²⁾ Громаннъ, 41. — ³⁾ Херсон. Г. В. 1852, 17; Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 94; Beiträge zur D. M., I, 235. Персы признавали прокажу и шелуди — наказаніемъ, посылаемымъ за преступленіе противъ солнца — Геродотъ, кн. I, гл. 138. — ⁴⁾ Записки Археологич. общ., XIII, 240, 248—9; Потебн., 26. — ⁵⁾ Записки Авдвев., 301. — ⁶⁾ Этно. Сб., II, 126. — ⁷⁾ Цебрик., 264.

избу ¹⁾. Въ тверской губ. у кого загорится изба, того не пугаютъ въ другіе жилые дома; напротивъ, онъ долженъ бѣжать какъ можно далѣе отъ жилья, чтобы отвести за собою пламя, которое такимъ образомъ представляется преслѣдующею его, живую и мстительною стихією. Народъ даетъ огню эпитетъ живаго и видитъ въ немъ (какъ ясно свидѣтельствуя различные преданія) существо вѣчно-голодное и всепожирающее. По указанію галицкой пословицы, «огонь святой мститъся, якъ го не шануешь»; у сербовъ есть клятва: «такъ ме живи [оган(ъ) не сажегао!» ²⁾. Между крестьянами самарской губ. донынѣ удерживается суевѣріе, что тушить пожары (чѣмъ бы ни были они вызваны) — грѣшно ³⁾; въ другихъ же мѣстностяхъ мнѣніе это прилагается только къ строеніямъ, зажженнымъ ударомъ молніи. Литовцы, когда случится пожаръ, обносятъ вокругъ загорѣвшагося зданія кусокъ освященнаго хлѣба, и потомъ бросаютъ его въ пламя, чтобы умилостивить гнѣвную стихію и приостановить ея разрушительное дѣйствіе ⁴⁾. Въ черниговской губ. выносятъ при пожарахъ квашню, кладутъ на нее хлѣбъ-соль, ставятъ тутъ же икону и молятся о помилованьи. На Волыни, вмѣсто квашни, выносятъ небольшой столъ, накрытый чистою скатертью; на столѣ кладется хлѣбъ-соль и ставится святая вода; съ этимъ столомъ знахарка обходитъ кругомъ загорѣвшагося дома и шепчетъ слѣдующее любопытное заклятіе: «ой ты, огню пожаданый, изъ неба намъ зосланный! не рождись ты, якъ дымъ, бо такъ приказавъ тоби Божій Сынъ» или: «витаю (привѣтствую) тебе, гостю! замовляю тебе, гос-

¹⁾ Черты литов. нар., 98. У римлянъ запрещалось прикасаться къ огню мечемъ (Проципен, IV, ст. Крюкова, 12). — ²⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 44; Срп. н. посл., 298. — ³⁾ Самар. Г. В. 1854, 43 — ⁴⁾ Черты литов. нар., 94.

тѣ! іорданскою водою заливаю тебе, гостю! Пришовъ Господь въ міръ — міръ ёго не познавъ, а святыи огонь слугою своимъ назвавъ; Господь на небо вознесся, за Господомъ и слуга (его) святыи огонь понесся» ¹⁾. Въ старину бросали хлѣбъ-соль въ пламя пожара, какъ это доселѣ дѣлается у чеховъ ²⁾ и въ Литвѣ. Во время грозы крестьяне наши, чтобы охранить домъ, людей и животныхъ отъ ея карающей силы, зажигаютъ въ избахъ восковыя свѣчи — крещенскія³⁾, четверговыя или вѣнчальныя. Съ именемъ Іоанна Крестителя слились древнія вѣрованія въ дождящаго Перуна; четвергъ былъ день, посвященный громовнику, и особенное почтеніе воздается этому дню на страстной недѣлѣ, какъ предшествующей празднику весенняго воскресенія природы; вотъ почему свѣчи крещенская и четверговая получили въ народныхъ обрядахъ символическое значеніе молниеноснаго пламени, возжигаемаго Перуномъ. Тоже значеніе придано и вѣнчальной свѣчѣ, такъ какъ въ лѣтнихъ грозахъ совершался брачный союзъ бога-громовника съ облачною дѣвою. Вечеромъ въ чистый четвергъ приносятъ изъ храма зажженныя свѣчи и копятъ ими на притолкахъ и матицахъ кресты, что по общему убѣжденію предохраняетъ домъ отъ удара молніи⁴⁾. Соответственно этому, въ Германіи вѣрятъ, что молнія ни за что не ударитъ въ домъ, на очагѣ котораго пылаетъ огонь; потому во время грозы разводятъ въ печи огонь, или берутъ топоръ (символь громовой палицы) и вонзаютъ его въ дверной косякъ ⁵⁾. Четверговыя и крещенскія свѣчи зажигаются и въ томъ случаѣ, когда вспыхнетъ гдѣ-нибудь вблизи пожаръ: дѣлается это съ цѣлію отстоять свой домъ отъ угро-

¹⁾ Волын. Г. В. 1859. 17. — ²⁾ Громанъ, 41. — ³⁾ Особенно тѣ, которыя были прилѣплены къ чашѣ съ водою, при совершеніи водосвятія. — ⁴⁾ Ворон. Г. В. 1851. 11; Саратов. Г. В. 1851. 29. — ⁵⁾ D. Myth., 568; Zeitsch. für D. M., IV, 297.

жающей ему бѣды. Но что особенно знаменательно — свѣчи эти (иногда и подвѣчную) зажигаютъ во время трудныхъ родовъ, чтобы облегчить страданія родильницы ¹⁾: обычай, указывающій на ту плодородящую силу, которая соединялась съ молніями, посылающими дожди, а отъ ихъ небснаго пламени перенесена и вообще на огонь. Молодые, возвращаясь домой послѣ вѣнца, переезжаютъ черезъ разложенные въ воротахъ и зажженные снопы соломы—для будущаго счастья и плодородія ²⁾; въ нѣкоторыхъ деревняхъ заставляютъ ихъ на другой день брака прыгать черезъ огонь, и первую кудель, за которую примется молодая, нарочно зажигаютъ ей родичи и знакомые ³⁾. Еще нагляднѣе выражается эта тождественность огня съ грозовымъ пламенемъ въ слѣдующихъ повѣрьяхъ о вліяніи его на зѣмные урожаи. На Срѣтенье, праздникъ, которому въ западныхъ губерніяхъ присвоивается названіе «Громницъ», каждый хозяинъ освящаетъ для себя восковую свѣчу и хранитъ ее въ анбарѣ; во время полевовъ и жатвы свѣча эта выносится на поля (в. итбек. губ.). Существуетъ примѣта: если въ чистый четвергъ свѣчи, разносимыя изъ церкви по домамъ, не гаснутъ на воздухѣ, то это предвѣщаетъ большой урожай яровыхъ хлѣбовъ. Въ тѣ дни, когда выезжаютъ унаваживать и пахать землю, крестьяне ни за что не даютъ изъ своего дома огня; они убѣждены, что у того, кто сеудитъ чужаго человѣка огнемъ, хлѣбъ не уродится, и наоборотъ — у того, кто выпроситъ себѣ огня, урожай будетъ хорошій ⁴⁾. И во всякое другое время крестьяне неохотно даютъ огонь, опасаясь неурожая и скотскаго падежа; если же и дадутъ, то не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы взятые горя-

¹⁾ Саратов. Г. В. 1851, 29.— ²⁾ Абев., 44—45.— ³⁾ Р. И. Сб., III, 199. Это возженіе кудели стоитъ въ связи съ представленіемъ грозовыхъ облаковъ пряжею (см. гл. XXIII).— ⁴⁾ Вѣст. Р. Г. О.